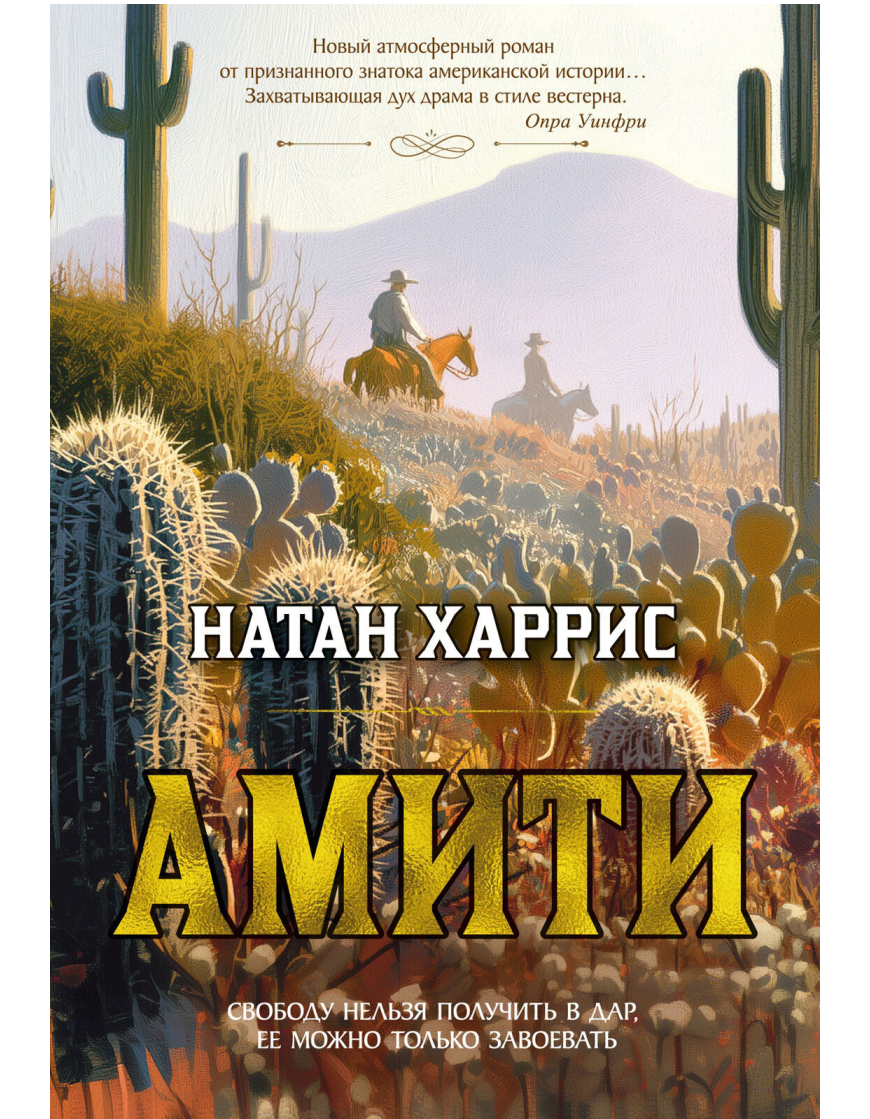

Новый атмосферный роман
от признанного знатока американской истории...
Захватывающая дух драма в стиле вестерна.

Опра Уинфри

НАТАН ХАРРИС

АМИТИ

СВОБОДУ НЕЛЬЗЯ ПОЛУЧИТЬ В ДАР,
ЕЕ МОЖНО ТОЛЬКО ЗАВОЕВАТЬ

Натан Харрис

АМИТИ

Серия «Сага (Азбука)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74674766

*Амити. роман: Иностранка, Издательство АЗБУКА; Москва; 2026
ISBN 978-5-389-35090-8*

Аннотация

1866 год, Новый Орлеан. После Войны Севера и Юга рабство официально отменено, но для многих чернокожих ситуация не изменилась. Бывшие рабы, брат и сестра Коулман и Джун, остались жить у прежних хозяев, высокомерных Харперов... Спасаясь от послевоенной разрухи и надеясь разбогатеть на серебряных рудниках, хозяин отправляется в Мексику, прихватив с собой Джун, и оставляет Коулмана обслуживать его жену и дочку. Однако через два года от Харпера приходит письмо с требованием доставить хозяйку дома и ее дочь к мужу, и юноша сопровождает их на этом опасном пути.

Дорога до Мексики оказалась долгой, а море и пустыня – одинаково безжалостными. Коулману приходится спасаться от убийц, которые преследуют его по пятам. Единственное убежище – таинственное поселение Амити, где беглые рабы строят новую жизнь. Но прошлое не отпускает, и путь к свободе оказывается опасным и долгим.

Содержание

I	6
II	28
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Натан Харрис

АМИТИ

Nathan Harris

AMITY

Copyright © Nathan Harris, 2025

By arrangement with the author

All rights reserved

© П. А. Смирнов, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Иностранка®

* * *

Casa

НАТАН ХАРРИС

АМИТИ

Издательство «Иностранка»
Москва

I

Новый Орлеан, 1866 год

В моей жизни было мало радостей, которые я мог бы называть целиком своими. Был покой, который я обретал на чердаке, отведенном мне для жилья, удовольствие от путешествия с книгами из библиотеки миссис Харпер, вкус сладкого хлеба, который я покупал на свое жалованье в соседней пекарне каждое воскресенье, в свой выходной. Но все это меркло в сравнении с радостью, которую доставлял мне Оливер – терьер, которого я считал своим и полагал самым сообразительным и верным товарищем, которого только можно было пожелать.

Оливер принадлежал Флоренс, дочери миссис Харпер, но опекал его главным образом я, и во всех остальных отношениях он был моим. Флоренс держала его на привязи у сарая во дворе дома, и каждое утро я приветствовал его миской корма, который делал сам из свеклы, остатков печенья с предыдущего вечера и здоровой порции овощей – все это вместе составляло блюдо, не уступавшее моей собственной еде. Пес ждал меня, и из-за почти незаметного клока шерсти, висевшего на морде и разделявшегося вокруг рта, казалось, будто он улыбается моему приходу. У него была рыжая шерсть, усыпанная белыми пятнами, короткая, но курчавая, а лапами он вечно норовил дотянуться до рук или гру-

ди, словно хотел поздороваться рукопожатием. Ростом он не доходил мне до колена и любил лежать на руках не меньше, чем бегать по земле. Он был удивительно силен. Всякий раз, когда он начинал радостно прыгать, жердь, к которой его привязывали, начинала ходить ходуном, и я никак не мог отучить его от этой привычки, сколько ни старался.

Когда я вышел к нему сегодня, наш сосед, мистер Клейборн, у себя во дворе уже подглядывал за садовником, требуя от его работы недостижимого совершенства. Прежде чем поставить миску на землю, я помахал мистеру Клейборну рукой, но он не ответил.

Этот момент общения с Оливером давал мне силы, приободрял перед делами, которые вскоре потребуют моего внимания: убраться во всем доме, приготовить ужин для миссис Харпер и Флоренс, хлопотать вокруг миссис Харпер, пока она без сил лежит на тахте, пораженная какой-нибудь болезнью, которую ей вздумалось у себя найти.

Распорядок дня определял не я. Теперь, когда война закончилась, я получил свободу, но в услужении у миссис Харпер все равно оставался прикованным к ней во всех отношениях, о чем она постоянно намекала мне нескончаемыми просьбами о помощи. Вот и эта встреча с Оливером прервалась рано, потому что я услышал, как меня уже зовут из дома.

– Коулмен! Коулмен! Пожалуйста! – вопила миссис Харпер.

Даже мистер Клейборн и садовник занервничали, услышав ее голос. Я уже приготовил для нее и Флоренс завтрак и убрал со стола после него, поэтому расстроился, когда оказалось, что мое внимание требуется ей уже сейчас, без малейшей возможности для передышки перед началом дня. Но жаловаться даже самому себе было бесполезно. Услышав зов, я встал и отряхнул пыль с брюк, а вернувшись на кухню, заметил приглушенный свет газовой люстры в гостиной в конце узкого коридора, открывшегося передо мной. Пол гремел при каждом моем шаге, и миссис Харпер это слышала. Как всегда.

– Поставь чайник, – сказала она, и я исполнил распоряжение.

Дом был древний и когда-то принадлежал отцу миссис Харпер, а до него – его отцу. Большие двустворчатые окна занимали всю стену столовой и отбрасывали в коридор такой резкий свет, что можно было видеть, как пыль кружится в воздухе, словно в настоящем танце. В передней над широкой лестницей висели семейные портреты – внешне мужчины были настолько похожи, что я был не вполне уверен, знает ли сама миссис Харпер, кто из них кем ей приходится.

А вот и она сама развалилась на тахте с таким видом, будто вот-вот соскользнет без сил на пол, и все время стонет. Камин в другом конце комнаты не топили с зимы, а на полке над ним стоят предметы, которые миссис Харпер приказала мне упаковать перед бегством из Батон-Ружа два года

назад. Эти старинные вещи – бронзовую статую трех чернокожих мавров и кинжал с серебряной рукояткой – подарил своей жене мистер Харпер, и она с любовью смотрит на них всякий раз, когда подходит к камину, обычно под предлогом протирки от пыли, но мне казалось, что в ее глазах это было последнее, что связывало ее с мужем, и дотронуться до них означало для нее еще раз почувствовать его присутствие.

– Миссис Харпер, как вы себя чувствуете?

– Тебе виднее, Коулмен.

– Вы, как всегда, выглядите здоровой, мэм. Прямо-таки сияете.

– О!

Она поднесла ладонь к сердцу, потом бессильно уронила ее, растопырив пальцы, после чего положила обратно на массивный живот. Хотя она и предпочитала не вставать с постели, настигавшие ее приступы всегда оставляли место для неожиданностей в том смысле, что было трудно предсказать, где она решит прилечь на этот раз. Иногда это бывало в гостиной комнате на втором этаже, а могло случиться и на кухне, где она могла повалиться на столешницу, налив себе стакан воды – предварительно заметив краем глаза, что я прохожу мимо, чтобы помощь не запоздала.

Ставни она закрывала наглухо, чтобы печальный желтоватый свет газовой люстры еще больше подчеркивал ужас ее положения. Театрально, но в этом и была вся миссис Харпер, и, если бы эти обстоятельства не сочетались, я бы мог

решить, что ей и в самом деле нездоровится.

— Флоренс снова улизнула в парк с этим недоумком, — про-
изнесла миссис Харпер.

— Хью, — напомнил я.

— Хью. Какой эгоизм с ее стороны — оставить меня одну
на весь день. И это всего лишь из-за любви к мальчишке,
которому недостает ума даже замечать знаки ее внимания.

— Она скоро вернется. Она знает, что нельзя пропускать
ужин.

— До этого еще несколько часов. Я же не идиотка, Коул-
мен. Я знаю, что ты пытаешься меня успокоить. Но когда те-
бе приходится прибегать ко лжи... это не только неспособ-
ность исполнять свои обязанности, но и оскорбление.

Я извинился, понимая, что проку в этом никакого. Ее при-
язанность к Флоренс стала необычайно сильна после того,
как мистер Харпер покинул дом и отправился на землемер-
ные работы в Мексику, откуда так и не вернулся. Этот раз-
рыв повлек за собой все остальные, потому что женщинам
больше не на кого было опереться. Теперь Флоренс достиг-
ла брачного возраста и отчаянно желала покинуть дом, в ре-
зультате чего между дамами сложилось своего рода неудач-
ное равенство: желание матери не отпускать от себя дочь
уравновешивалось желанием дочери оказаться подальше от
матери. Эти несовместимые эмоции только усиливались, и
для обеих такое положение дел было невыносимо, что вело
к озлоблению, ненависти друг к другу и нарастающему кон-

флиktу, которого я всеми силами старался избегать.

Палец миссис Харпер отстучал по груди ритм незнакомой мелодии, а ее косметика в комнатном свете придавала лицу необычную бледность. Если не считать Флоренс, никто не знал ее лучше меня. Я принадлежал ей и мистеру Харперу до девятнадцати лет и, получив свободу, остался без гроша за душой, да и податься мне было некуда, поэтому я остался при ней уже как слуга, но с теми же обязанностями, что исполнял и до войны. Меня отняли у матери еще мальчиком. Теперь, кроме этой женщины, у меня никого не осталось, и я прекрасно понимал, что в такие времена, когда тяготы пустой жизни становились для нее невыносимы, когда кости и внутренние органы терзала боль от долгого отсутствия мужа, от ужаса неизбежного взросления дочери, от скорби по умершим родителям, в чьем доме она теперь жила, она найдет мне применение – даст мне какую-нибудь задачу, которая поможет облегчить бремя, тяготившее ее.

Чайник наконец подал голос.

– Мои туфли у сапожника, – сказала она. – Я бы хотела, чтобы ты их принес. Как можно скорее.

– Отличная идея, – ответил я, перекрикивая чайник, как будто в доме других проблем не было.

– И возьми с собой Флоренс. Она знает работу этого сапожника, и у нее хватит смелости сказать ему, если качество будет недостаточно высоким. Ты для этого слишком робок, Коулмен. Мы оба это знаем.

Я постарался взять себя в руки, потому что по причинам, пока не описанным, Флоренс презирала меня еще сильнее, чем собственную мать. Но в моем положении спорить не приходилось. Было только одно предложение, на которое я надеялся получить положительный ответ. То, которое я всегда делал перед выходом из дома.

– Можно взять с собой Оливера? – спросил я.

Рука миссис Харпер поднялась и вяло дрогнула несколько раз, не то отмахиваясь от меня, не то отмахиваясь от самой мысли, будто такая мелочь может иметь значение. Я приготавливаю ей чай. А потом заберу Оливера от сарая.

* * *

Воздух был влажный и неживой, и в такой жаре сквозь него приходилось брести, потому что густотой он напоминал патоку. Наша улица была тихая, и, хотя официально мы жили за пределами Гарден-Дистрикт¹, на ней царил тот же парадный дух – что не мешало миссис Харпер очень злиться, что ее отодвинули на задворки городской аристократии. В этот час на улицах обычно было пусто, не считая какой-нибудь компании женщин, собравшихся вместе на прогулку, или, может быть, няньки с коляской, поэтому мне показалось странным увидеть в этот самый момент на другой стороне

¹ Гарден-Дистрикт – исторический богатый жилой район в Новом Орлеане. –
Здесь и далее прим. перев.

улицы мужчину, который смотрел прямо на меня. Он сидел на спинке парковой скамейки, поставив ноги туда, где обычно принято сидеть. Оливера я нес на правой руке. Даже он попытался залаять.

– Оливер, – пробормотал я.

Мужчина внимательно разглядывал меня. Он был, наверное, вдвое старше меня, лысая голова была самым вопиющим образом лишена шляпы, словно он что-то хотел этим сказать. Он курил сигарету, и я видел, как при каждой затяжке его щеки втягивались, подчеркивая очертания челюстей. Если подобное действие могло выглядеть угрожающим, то именно так оно и выглядело. Я знал людей вроде него – обычно их можно увидеть в сумерках в темном переулке или последними посетителями пивной, которых сторонился даже бармен. Опыт научил меня, что лучше всего просто кивнуть таким людям и больше не обращать на них внимания, как я и решил поступить в этом случае, даже чуть улыбнулся ему, а потом повернулся, вышел на улицу и отправился своей дорогой.

Мне это показалось смутно тревожным, возможно странным, но вовсе не беспокоило. Потому что я направлялся туда, где этот человек был бы совершенно на своем месте, и, возможно, он просто ошибся улицей, когда решил отдохнуть. Безусловно, красота Нового Орлеана заключалась в пестром разнообразии населявших его людей – бездельников и жуликов, попрошайек и лоточников. Мне они представ-

лялись чем-то вроде капель вина в соусе, родинки на лице прекрасной женщины – теми мелочами, которые погружают тебя в мечты. Сонный обычно мир на миг раскрывает свои контрасты, свои странности и неожиданно обретает полноту жизни. На Фелисити-стрит я увидел господина в безупречно отглаженном атласном жилете, сверкавшем на солнце. Он шел, постукивая тростью, и на лбу его не было ни капельки пота, а наряд был безупречен. А позади него шла компания, в которой я сразу узнал местных – маляров, вышедших на обед в одежде, заляпанной красками всевозможных оттенков. Они смеялись так заливисто, что едва не роняли бутерброды, которые держали в руках.

– Коулмен, как дела? – спросил один из них, когда я оказался рядом.

– Невежливо обращаться к нему раньше, чем к его собаке, – подхватил второй.

– Ну, пес-то доволен жизнью, – сказал первый, погладив Оливера по голове, когда мы проходили мимо.

Я кивнул им и поздоровался, прекрасно зная, что они скажут точно то же самое, когда я пройду мимо в следующий раз. Это уже превратилось в ритуал при встрече. Тем временем на другой стороне улицы торговец фруктами разглядывал свой товар с таким же вниманием, с которым я читал хорошую книгу из библиотеки миссис Харпер, а стайка мальчишек донимала торговца, катившего тележку со сладостями, умоляя угостить их бесплатно. Едва можно было расслы-

шать собственный голос из-за стука копыт, криков прохожих и мальчишки-газетчика и нищего трубача, который подвергался насмешкам каждый день за резкие звуки, которые издавал, и за полное неумение играть на трубе, хотя я точно знаю, что хозяин «Астера» всегда кормил его супом после заката – заслуженное проявление жалости.

Я приближался к Колизеум-Сквер. Жара к этому времени стояла невыносимая, и мой платок промок от частого использования. Но я уже заметил Флоренс. Я опустил Оливера на землю и, хотя он тоже ее заметил, должен сказать, что он оставался рядом со мной, пока мы к ней приближались.

Фонтан у нее за спиной переливался на солнце, его пена цвета слоновой кости напоминала перья, будто у Флоренс вот-вот вырастут крылья.

– Какого черта вы здесь делаете? – она посмотрела на Оливера, на меня, потом обернулась к Хью, который как раз встал, чтобы подойти ко мне.

– Ваша матушка просила меня сходить за вами.

– Я не хочу, чтобы за мной ходили.

– А... Но дело уже сделано.

Лицо ее выглядело удивительно юным. Пухлые щечки, брови домиком, как у ребенка, у которого отобрали игрушку, рыжие локоны ниспадали по бокам от лица и на лоб изящными колоннадами. А еще она была довольно дородная, и если бы я захотел сделать ей комплимент, то упомянул бы о значительной харизме, которую она привносила,

стоило ей войти в любую комнату, об огромной тени, которую отбрасывает ее личность, об очаровательной живости, недоступной большинству женщин даже в лучшие времена. А еще она умела обескуражить человека одним взглядом, парой невзначай брошенных слов. Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы отметить, что в этот самый момент ее глаза представляли собой пару узких щелочек, излучавших презрение. Я чувствовал, что чахну под ее взглядом, и, пожалуй, тело мое могло бы и не выдержать, если бы Хью не подошел поближе, вынудив Флоренс проявить хоть какое-то подобие радости от этой неожиданной встречи.

– Пожалуйста, дай нам минутку, – сказала Флоренс, разрешив ему сначала погладить Оливера.

– Какой чудесный малыш, – произнес Хью. – Если бы знал, взял бы с собой Мону.

– Думаю, для малыша Оливера сейчас слишком жарко. Не знаю, чем думал Коулмен, – ответила ему Флоренс.

Это утверждение было совершенно возмутительным, поскольку Оливер прекрасно переносил жару и, в конце концов, это по ее настоянию его держали на привязи на улице рядом с сараем, хотя ничто не мешало ей запустить его в дом. Вранье было лишь частью плана вывести пса на первый план: в голове Флоренс возникла идея, что, если собака Хью и Оливер – оба хорошей породы – принесут приплод, это послужит символом их с Хью будущего союза.

– Я не пойду, – заявила она.

– Миссис Харпер будет недовольна. Едва ли вам понравится, если она будет злиться за ужином.

– Матушка будет злиться, как бы я ни поступила, и ты это знаешь. Я бы хотела исцелить терзающий ее недуг, каким бы он ни был, но не могу, и, если мы принесем ее туфли, это ничего не изменит. К тому же, Коулмен, это придется сделать тебе. Я останусь здесь. С Хью. Полагаю, ты бы и сам хотел остаться.

– Остаться здесь? С Хью? – Предмет нашего разговора тем временем со смехом тыкал пальцем в бегавшего по парку за голубями парня с раскрашенным лицом и аккордеоном на груди. – Полагаю, вы ошибаетесь.

– Ну, может быть, не с Хью, – вздохнула она. – Но он – это способ выбраться из этого дома, подальше от матушки и ее чепухи...

Она выпятила нижнюю губу, демонстративно вздернула подбородок, и в этот миг я невольно снова увидел упрямую девчонку, которая так нравилась мне в прошлой жизни.

Ранний период нашего знакомства, когда я впервые появился в семье, вспоминается с трудом. Я хорошо помню лишь то, что меня подарил на свадьбу миссис Харпер ее отец, продав вместе с моей сестрой Джун, и меня сразу пристроили к делу, потому что состояние мистера Харпера было явно более ограниченным, чем он считал нужным сообщить семейству миссис Харпер, и его доходы едва оправдывали щедрость его расходов. Меня часто одалживали горожанам, ко-

торым требовалась помощь, будь то работа в поле, на кузнице или на козлах повозки, развозившей товары по заказам какого-нибудь местного агента. Я никогда не знал, что принесет мне следующий день, а мистер Харпер был настолько угнетен положением своих дел из-за войны, что вечно пребывал в раздражении.

Единственной передышкой бывала свобода, которую я обретал по вечерам, когда мы с Джун могли расслабиться в своем жилище – наши кровати стояли рядом в подвале, в самом укромном месте. Паутина лежала толстыми слоями на полочках стульев и заброшенных детских игрушках Флоренс. Повсюду валялись кофры с оборудованием мистера Харпера, и мы часто открывали их и наделяли каждый инструмент волшебными свойствами. Например, способностью перенести нас в другое место или сделать невидимыми. Так было легче на время забыть о своем незавидном положении.

Каким бы темным и затхлым ни был этот подвал, для нас он всегда оставался домом, где любые формальности можно было сбросить, словно оковы, где мы могли дышать свободно, где мы, иными словами, могли быть просто братом и сестрой. Но около полуночи, когда наш мир затихал, мы нередко слышали скрип на лестнице, видели над ступеньками подол ночной сорочки, и перед нами появлялась собственной персоной Флоренс, которая никак не могла уснуть и слушала, как мы переговариваемся шепотом. Она уверяла нас, что ее родители нас не услышат, и, боясь оставаться дома в одино-

честве, хотела немного побыть с нами.

Что ж, дом принадлежал ей. Она могла ходить где ее душе было угодно. Девочки обменивались рассказами... или сплетнями: Флоренс рассказывала, что происходило с ней в школе, а Джун – о гостях, которые побывали в доме за день. Я наблюдал за ними со своей кровати и находил это зрелище необычным: две девочки, бесконечно хихикающие в тени, и в окружавшей их темноте нетрудно было представить себе, что это сестры.

Тогда я осмеливался предполагать, что мы трое останемся близки надолго, но по прошествии времени глупость этих предположений становится совершенно очевидной. Потому что мистер Харпер сыграл разрушительную роль, вскоре разлучив нас друг с другом и превратив привязанность в ненависть. Дело было не в том, что ему не нравились наши отношения, и даже не в какой-то недоброжелательности – хотя, несомненно, он находил их неподобающими. Просто моя сестра была ему больше по душе, чем собственная дочь.

Джун стояла рядом с мистером Харпером, когда тот пил послеполуденный чай и пересказывал ей новости, касающиеся войны и его профессии. Джун смешила его безобидными шутками по поводу прохожих на улочке возле дома. Джун чувствовала, когда ему нужно чуть-чуть выпить перед сном, чтобы успокоить нервы. Дочь точно так же не была ему равней, как и жена – женщина намного ниже его не столько по положению, сколько по уму, болезненная и склонная к дет-

ским фантазиям. Поэтому Флоренс он избегал.

Что, если бы этим все и ограничилось? Возможно, Флоренс научилась бы бороться с ревностью, которая вела лишь к вспышкам гнева и оскорблениям, постоянно растущему аппетиту, целой коллекции недугов, которые злили и ужасали ее отца еще сильнее. Возможно, она даже научилась бы прощать его. Но если посмотреть на последовавшие события, на более глубокое описание внутренних демонов этого человека, станет ясно, что семья никак не могла оправиться от последствий его поступков.

Мистер Харпер, окружной землемер, все реже находил работу и все глубже залезал в долги. Откуда возьмутся правительственные ассигнования, если у правительства нет денег, да и вообще законных полномочий? Человек, чья жизнь строилась вокруг моделей и чисел, азимутов и расстояний, теперь лишился их, и по набухшим мешкам под глазами, по дрожащим рукам, в которых трепетала газета, по угрюмому молчанию, ставшему его постоянным спутником, было видно, что прежняя жизнь исчезает у него на глазах. Возможно, вследствие этой боли, вследствие его собственных неудач в принимаемых им решениях появилась нотка безумия. Вероятно, он только осознал, что жизнь в Батон-Руж подошла к концу и о ней лучше забыть. Война шла к концу, и его должность вообще попала под сокращение по мере того, как правительство Конфедерации медленно, но неизбежно двигалось к развалу. Однажды ранней весной настал день,

когда в дверь постучал другой землевладелец и попросил о встрече с ним.

Дальше разговоры шли без посторонних на протяжении нескольких недель, но Джун передавала мне все, что слышала. Группа людей, опасавшихся возмездия со стороны северян, решила перебраться в Мексику, чтобы строить там жизнь в соответствии со своими убеждениями и при этом разбогатеть. Страна пребывала в неопределенности, мексиканцами правил монарх, поставленный французами. Оппозиция готовила восстание, и власть постоянно переходила из рук в руки между разными группировками. В образовавшемся вакууме люди, преследуемые в Соединенных Штатах, могли обрести свободу. Там они могли жить в соответствии с собственными желаниями. Посевы там росли с невероятной скоростью, и все эти плодородные земли требовалось разделить и нанести на карту для всех, кто рискнул отправиться в путешествие. Нужно было строить железные дороги, могли понадобиться и склады. До них дошли слухи, что французы могут заплатить за эти услуги. Разве он не учился на инженера? Разве это не кстати? Все это могло дать человеку вроде Уайатта Харпера столько работы, что ему больше ни одного дня не пришлось бы провести в праздности. Деньги можно было бы отправлять домой семье, пока работа не будет завершена. И каким-то странным ходом мыслей, последним знаком своего несуразного увлечения мистер Харпер пришел к решению не только отправиться самому, но и

забрать Джун служанкой во временный дом в глуши. Остальные должны были отправиться в Новый Орлеан в дом детства миссис Харпер, потому что поместье мистера Харпера в Батон-Руже предстояло продать для финансирования путешествия – эти деньги должны были поступить в общий котел, которым распоряжался капитан.

Помню, как сестра учила меня правильно накрывать на стол, вовремя сменять зимние шторы на летние, протирать пыль во всех уголках и закоулках дома. Ее щеки были мокры от слез, когда она любовно подшучивала над моими неудачами. Помню, как она собирала свой кофр и прихватила, будто бы незаметно, шапку, из которой я недавно вырос. Помню момент, когда мы выезжали в Новый Орлеан: я сидел на козлах и, обернувшись, увидел заплаканную миссис Харпер и ее дочь, словно придавленную горем матери, неприятную отца, потерей дома детства, который она, возможно, никогда больше не увидит.

Так и вышло, что неприязнь Флоренс по отношению ко мне выглядела злостью не лично на меня, а на весь мир, который надменно отверг ее. Я был очевидцем, доверенным лицом, слугой, посвященным в ее глубочайшие тайны. В этой своей роли я научился принимать ее боль, несмотря на мою собственную. Если уж на то пошло, я ей завидовал. Открыто выражать свой гнев – привилегия. Которой я втайне желал и для себя.

И вот она стояла передо мной в парке, сияя в свете солн-

ца, словно бриллиант под увеличительным стеклом ювелира. Оливер снова вертелся у моих ног, обнюхивал траву и глядел на меня пытливыми глазами. Хью осторожно стоял позади Флоренс, словно ее тень.

– Если вы настаиваете, – сказал я. – Я схожу за туфлями сам.

При этих словах Флоренс посмотрела на меня с состраданием победителя.

– Зайди за мной на обратном пути, – произнесла она. – Я прогуляюсь с тобой до дома.

Я похлопал себя по бедру, подзывая Оливера, и отправился за туфлями миссис Харпер.

* * *

Солнце сияло над головой, словно начищенный до блеска грош. Когда мы подходили к дому, молчание между мной и Флоренс стало уже настолько оглушительным, что было слышно, как на каждом шагу в коробке постукивали каблуками туфли миссис Харпер, словно с нами шел еще кто-то четвертый.

Кожа Флоренс блестела на жаре, щеки покраснели в тон цвету волос. Калитка к дому была закрыта, и я положил на нее ладонь, чтобы открыть, но Флоренс остановила меня.

– Подожди минутку. Пожалуйста, – попросила она.

Достаточно было одного взгляда поверх кирпичных сту-

пенек, ведущих к парадной двери, чтобы увидеть раздвинутые шторы за оконными ставнями и убедиться, что миссис Харпер уже заметила наш приход. Она уже, наверное, отошла, спеша привести себя в порядок, чтобы встретить нас стоном, вцепившись в перила на лестнице и умоляя о помощи.

Флоренс, как и я, глянула в сторону дома, но секунды шли, а мы стояли, уставившись в землю, потом посмотрели друг другу в глаза, словно в молчании родилось извинение, балзам, снявший возникшую между нами в парке неловкость.

– Зачем ты это делаешь? – тихо спросила она. – Зачем живешь здесь, заботишься о ней? Терпишь все это. Ты же свободен, Коулмен. И ты это знаешь. Она обязана тебя отпустить.

Это напомнило мне единственный случай, когда сестра просила меня оставить эту семью вместе с ней. Это произошло за неделю до ее отъезда с мистером Харпером, когда мы собирали его вещи, снова сидя вдвоем в подвале. Она коснулась моего запястья, и слова ее прозвучали тихо, взвешенно и с такой серьезностью, которая не часто случалась между нами. «Мы могли бы уехать, – сказала она. – Начать все заново. Подальше от них. Ты ведь понимаешь, да?» Я стоял перед ней с ящиком инструментов мистера Харпера в руках, и руки мои затряслись не от тяжести ноши, а от мысли о том, чтобы покинуть эту семью навсегда, о все растущей ненадежности моего положения, о жизни, имеющей хоть какую-то разме-

ренность, к которой я стремился превыше всего.

– Мистер Харпер сказал, что вскоре пошлет за нами, – робко ответил я ей. – Ничего страшного, если мы подождем. Свобода ведь все равно найдет нас. Разве не так?

Ее ладонь соскользнула с моей руки, признавая поражение...

Джун никогда больше даже и не заикалась об этом, и даже когда я сам поднял этот вопрос спустя несколько дней, более открытый этой возможности, чем был поначалу, она больше не предлагала действовать. Полагаю, она лучше всех понимала, что в глубине души я трусил. Я боялся неизвестности. Так что ответ на вопрос Флоренс в этом смысле был ясен. Достаточно просто посмотреть по сторонам: этот дом, эта улица, Оливер, ждущий во дворе следующей порции еды или следующей прогулки. Больше у меня ничего не было, и больше я ничего не знал, и это не отличалось от прежней жизни в Батон-Руже. Я не мог произнести этого вслух. Как близки бы мы ни были в прежней жизни, Флоренс оставалась моим работодателем. А я оставался прислугой ее матери.

– Вы и ваша матушка – хорошие женщины, – сказал я. – Она хорошо со мной обращается. И для меня честь воздавать добром за добро.

Флоренс рассмеялась, недоверчиво качая головой. Впервые за день ее голос прозвучал тепло:

– Давай мне туфли, Коулмен. Скажем ей, что ходили за ними вместе. Так ведь будет лучше?

– Спасибо, – ответил я, стараясь не выдавать охватившего меня облегчения. – Премного благодарен.

– Да, это уж наверняка, – сказала она, потом повторила: – Это уж наверняка.

Она с довольным видом посмотрела на содержимое коробки и кивком предложила мне идти домой. Оливер решил задержаться у калитки, и я взял его на руки. Когда мы входили в дом, он попытался лизнуть меня в лицо, и на миг я так отвлекся, что не заметил тишины и странной краткости последовавшего приветствия миссис Харпер.

– Сюда, – позвала она из гостиной.

К тому времени, когда я вошел, Флоренс уже поставила туфли на пристенный столик и стояла с зачарованным или, по крайней мере, удивленным видом. Миссис Харпер сидела на тахте. Напротив нее сидел мужчина, которого я видел на скамейке. Теперь он пил шерри из лучшего стекла в доме. Лоб его испещряли морщины, щеки – оспины, а макушка блестела, как отполированная. Следы вина на его губах казались кощунством, а когда мы вошли, он посмотрел на нас, словно мы представляли ему угрозу, и это выглядело так невоспитанно, что я сразу уловил в нем нечто темное, похожее на надвигающуюся тень.

Я даже не успел полностью осознать происходящее, как миссис Харпер помахала бумажкой в руке, словно это была не то улика, не то реликвия, нечто долгожданное и наконец полученное. Ее широкая улыбка казалась такой же необыч-

ной, как и манеры незнакомца. Миссис Харпер умела выражать самые разные эмоции, но радость среди них встречалась нечасто.

– Флоренс, – объявила миссис Харпер. – Твой отец прислал письмо. Он просит нас присоединиться к нему в Мексике. Более того, просит поспешить.

В комнате на миг повисло ошеломленное молчание, а потом крики Флоренс и радостные слезы миссис Харпер наполнили ее атмосферой праздника. Я уставился на миссис Харпер, словно в ожидании подробностей, но обе женщины в пылу момента даже не замечали меня.

– Миссис Харпер... – произнес я, чувствуя неладное, но она бросила на меня гневный взгляд поверх плеча дочери. В этот миг Оливер соскользнул с моих рук. Я увидел, как пес вальяжно подошел к мужчине, молча сидевшему в углу, к мужчине, который, судя по всему, и принес эту неожиданную весть, переполошившую весь дом. Тот протянул руку к Оливеру. Пес начал жадно лизать ее, что показалось мне невообразимым предательством. Мужчина же теперь смотрел на меня точно так же, как тогда на улице. Его глаза тускло блестели, и я уже собирался спросить его имя и род занятий, но он показал мне стакан.

– Еще, – сказал он.

– Уважь просьбу, – приказала миссис Харпер.

Я живо кивнул и выполнил распоряжение.

II

Я тащил в одной руке кофр миссис Харпер, положив поверх него собственный саквояж, а в другой нес Оливера, но бережно опустил его, когда он начал лягать меня в бок, будто пытаюсь сказать, что у него есть неотложное дело.

Сначала я увидел носильщика, который прошел мимо нас, приподняв кепку, чтобы поздороваться с собакой и привлечь внимание семьи, которой он должен был помогать.

– Это Оливер, – объявил я. – И я заявляю от его имени, что он очень рад знакомству.

Мужчина рассмеялся, как это обычно бывает, потому что многих веселят подобные глупые фразы. Наверное, этим и можно объяснить, почему я так часто их произносил.

Потом нам встретились стайка женщин, которые принялись шумно восторгаться столь милым животным, и каждая из них наклонилась, чтобы погладить его. Я рассказал им о его прекрасной родословной и о том, что он дарил радость всему Новому Орлеану, и они так надолго задержались, что едва не пропустили отправление своего корабля.

Третьим знакомством стал маленький ребенок в яркой голубой шляпе, отец которого подписывал документы на, судя по всему, полученный груз.

– Это Оливер... – начал я, но меня прервали.

На плечо легла рука. Над ухом прозвучал голос:

– Надоел уже со своей собакой.

Тогда я забрал Оливера у ребенка, который проводил нас печальным взглядом. Я вернулся к Флоренс и миссис Харпер, но не удостоил извинения стоявшего рядом мужчину, который без всяких на то оснований начал распоряжаться семейством Харпер всего неделю назад и отправил нас в это путешествие.

Его звали Эймос Тёрлоу. Как мы теперь знали, мистер Харпер отправил его за женой и дочерью, чтобы перевезти их в Мексику. На вид он казался вполне подходящим человеком для такой работы. Он был достаточно крупным, чтобы выжить в глубине самой жестокой из пустынь. По моим подсчетам, его тело могло бы питаться собственными мышцами и жиром на протяжении месяцев. Ткань рубашки под жилетом была натянута так туго, что, казалось, издавала стоны при резких движениях, и мне часто казалось, будто рукава могут и вовсе оторваться, если слегка потянуть.

Ни у Флоренс, ни у миссис Харпер не вызвали никаких подозрений ни его мрачный нрав, ни грубые манеры, – заявиться в семейный дом в неурочное время, воняя табаком и спиртным, отхаркивать мокроту в бесконечное множество носовых платков, стирать которые потом пришлось мне, – но меня это насторожило. Однажды вечером, таская горячую воду для ванны миссис Харпер, я спросил ее прямо, в самом ли деле она готова доверить себя и свою дочь такому человеку.

– Боже упаси! – фыркнула она. – Я бы скорее доверила свою дочь пуме, чем такому мужчине. Но именно Тёрлоу меня поручил Уайатт. И если Тёрлоу отвезет меня к мужу...

Между нами говоря, признаюсь, что моя тревога была ровну перемешана с оптимизмом. Потому что если бы и в самом деле удалось найти мистера Харпера, то с ним могла оказаться и Джун, а возможность снова увидеться с ней, восстановить отношения... Кто не пойдет на сделку хоть с самим дьяволом ради этого? В конце концов, мне казалось везением, что меня вообще позвали с собой. Дальше, пока дни тянулись один за другим, меня охватило чувство, которого я, пожалуй, раньше и не припомню: жжение в груди, тепло, силу которого я ни с чем не мог сравнить. Полагаю, это была надежда. Надежда на то, что, в случае успеха нашего путешествия, меня ждет что-то хорошее.

В порту поднялся ветер и принес с собой резкий запах рыбы. Повсюду люди сновали вокруг огромных гор товаров: бочонки с зерном стояли открытыми для осмотра, большие бочки с сахаром и салом, меха, наваленные на платформы так высоко, что напоминали шкуру убитого чудовища. Оживление споров из-за цен постоянно росло, голоса становились громче, сливаясь в сплошной непрекращающийся гул, и к тому времени, когда мы добрались до парохода, все мои органы чувств подверглись такому натиску, что я едва соображал, что происходит.

Наш пароход внушал трепет: гладкий, окрашенный в

красный и белый, он нес на борту имя: «Торжество». Капитан стоял на причале, засунув руки в карманы сюртука, и, когда подошел Тёрлоу, они тепло поприветствовали друг друга и сразу завели беседу, как старые знакомые.

– Боишься, Коулмен? – Флоренс стояла рядом, и мы смотрели, как по сходням на борт вели лошадей.

– Нисколько, – ответил я, хоть этого и оказалось недостаточно, чтобы она перестала улыбаться.

– Может, сунешь ногу в воду? Вот увидишь – бояться нечего. В самом деле. Попробуй!

Понимаю, почему она так сказала. Среди наших соседей в Батон-Ружа эта история стала почти легендой, и, как ни странно, своим происхождением она была обязана моей привычке причесываться. Совсем юным, мне еще не было и шестнадцати, я начал ухаживать за своими волосами. Оказалось, что усердная работа гребешком, несколько капель воды и немного взбитого сырого яйца позволяют мне расчесывать волосы на пробор почти как у самого мистера Харпера. Хотя делалось это ради моды, я думал, что таким образом сумею еще и приобрести расположение хозяина. Но хватило одного дня, когда мистер Харпер выпивал с приятелями, чтобы я осознал свою ошибку.

Мужчины собрались под дубом у небольшого пруда в городском парке, где состоятельные жители Батон-Ружа собирались по субботам, приветствуя друг друга и лениво общаясь между собой. К полудню они уже основательно напи-

лись и начали в шутку хвалить мою прическу, говоря мистери Харперу, что мы с ним, наверное, братья, раз у нас такие похожие прически. Я попытался спрятаться в тени дерева, надеясь, что эти насмешки прекратятся, если я сумею стать невидимкой, но с течением дня шутки продолжались.

Мистер Харпер не смеялся. Он начал постукивать стаканом по столу, расплескивая виски.

– Коулмен, почему мы не видим, как твоя прическа похожа на мою, без твоего колдовства с гребешком? Ступай к пруду. Полей себе голову водой и как следует встряхнись.

Смех прекратился. Приятели просили его успокоиться, но мистер Харпер стоял на своем.

– Это была не просьба, – сказал он, наконец посмотрев на меня. – Я приказываю тебе. Немедленно.

Намочить волосы оказалось недостаточно, и тогда он приказал мне войти в воду по грудь, несмотря на мольбы остальных, и я испытал унижение и невероятный ужас, обнаружив, что пруд оказался довольно глубоким. Слишком глубоким для не умеющего плавать. Это ощущение трудно описать человеку, никогда не попадавшему в столь опасное положение. С тех пор я никогда не забывал звона, с которым он опустил стакан на стол, требуя добавки, даже не дав мне перевести дыхания и ступить на твердую землю. Больше я не отважился делать такую прическу в его присутствии, но еще более серьезным оказалось то, что с тех самых пор я стал бояться даже самых мелких водоемов, о чем имел неосторож-

ность по секрету поведать Флоренс на следующий день, даже не подумав, что спустя годы это будет использовано против меня. Но теперь девушка с наслаждением ставила других в неловкое положение. Она была готова на что угодно, лишь бы скрыть собственную боль.

– Я не испытываю ничего, кроме восторга, – сказал я ей. – Семь дней в открытом море вместе с вами? Даже в раю я бы не получил такого удовольствия.

Усмешка Флоренс даже не дрогнула, и я почувствовал в ней восхищение моим сарказмом, увидел взгляд ребенка, встретившего партнера по играм, готового поучаствовать в ссоре ради самой ссоры.

– Хотела бы я сказать то же самое, – произнесла она. – Но зная, что ты поедешь третьим классом, а я – первым... В общем, Коулмен, мы вообще почти не будем видеться. Печально.

– Действительно, печально, – согласился я.

Вдруг между нами втиснулась миссис Харпер, фонтанируя словами так, словно вела диалог уже несколько часов, а никто этого и не замечал.

– Ты видел меню, Коулмен? Сардины на гренках, свежий окунь, мороженое и вафли на десерт. Не говоря уже о развлечениях, которые запланированы для нас. Оказывается, в последний вечер на борту будет бал, и они сказали, что будут рады, если я помогу им с организацией. Полагаю, это будет непросто, ведь многие гости на борту путешествовали на

куда более славных кораблях, чем «Торжество», а учитывая, что это мое первое путешествие, полагаю, они увидели в моих манерах нечто особенное, если предоставили мне такую возможность...

– Багаж! – заорал Тёрлоу, стоявший рядом с капитаном.

Я облегченно вздохнул, потому что миссис Харпер повторяла одну и ту же речь всю неделю, и мысль о том, что придется выслушивать все еще раз, казалась почти невыносимой.

Передав Оливера миссис Харпер, продолжавшей болтать без умолку, я начал поднимать багаж на борт, получив возможность с нового места полюбоваться на другие пароходы, изрыгавшие дым из труб, словно фабрики, построенные посреди моря, на портовых рабочих, сновавших вокруг, будто косяки рыбы, ищущей убежища от наступающей промышленности. Я не смотрел на воду за бортом, на бескрайнюю голубую гладь, сливавшуюся с небом у далекого горизонта, потому что уже чувствовал, как пересыхает в горле от ясного осознания, что я буду на целую неделю заперт на борту этого судна без всякого пути к спасению.

Я не знал, что меня ожидало, чего ждать, даже если мы доберемся до земли. Знал, пожалуй, только одно: мое сердце по-прежнему пылало при мысли о том, кого я могу встретить по другую сторону моря. Если была хоть какая-то надежда воссоединиться с сестрой, единственным человеком, который мог исцелить меня, то в мире не нашлось бы водое-

ма, который я не пересек бы, чтобы увидеть ее. Лучше улыбнуться и потерпеть. Задушить в себе страх перед неизвестностью, терзавший меня... как я это сделал, когда меня разлучили с Джун.

* * *

В ожидании отправления пассажиров судна охватила апатия. Но гул постепенно нарастал, и, когда наступил момент выхода в море, произошедшее не обмануло ожиданий, которые я рисовал в воображении. Палуба под ногами задрожала, словно землетрясение раскололо землю пополам и прямо у моих ног возник разлом. Потом прозвучал утробный гудок, и все пассажиры, словно по команде, стали махать оставшимся в порту. Всюду были слезы радости и горя, махание платками, дети на плечах мужчин, надеющиеся бросить последний взгляд на гигантское судно, которое, словно по волшебству, сейчас стояло перед ними, чтобы через миг исчезнуть. Вскоре на мачте гордо взмыл флаг, и пароход, следуя сигналам, двинулся к выходу из гавани, отправляясь, несомненно, навстречу приключениям, которых я никогда прежде не знал.

Мне позволили подниматься на верхнюю палубу, чтобы ухаживать за миссис Харпер и Флоренс, хотя в их каюте было отдельное помещение для горничной, чье присутствие делало мои услуги в какой-то мере излишними. Время от време-

ни я поднимался по трапу только для того, чтобы увидеть, что они вполне счастливы в обществе других женщин, строя планы на день или ведя светские беседы за игрой в вист, после чего, удостоившись пренебрежительного взмаха руки миссис Харпер или сурового взгляда Флоренс, охотно оказывавшейся в окружении молодых господ из числа пассажиров парохода, возвращался на нижнюю палубу. Третий класс был местом более или менее неприветливым. Кран с горячей водой был сломан, соломенные матрасы, служившие постелями, лежали так плотно, что я постоянно утыкался в спину соседа, и повсюду были разбросаны ложки и миски, привлекавшие мух и личинок.

Каждое утро я приходил туда с жестяной миской в руке, ожидая прихода помощника кока с порцией похлебки, которую делил с Оливером. Но после завтрака возвращался во временное жилище под открытым небом возле кормы. Я делал сверток из одежды и устраивал себе ложе рядом со скотом и тюками с товарами, которые один из судовых офицеров приходил проверять каждые несколько часов с таким видом, будто я собирался стащить тюк хлопка и броситься с ним в океан, чтобы добраться до ближайшего города и там выгодно его продать. Как быстро привыкаешь видеть мужчин и женщин, присаживающихся на корточки за кормовым леером и опорожняющихся даже не прерывая разговора между собой. Переживать приступы тошноты подобным образом тоже было приемлемо, поэтому я имел удовольствие

наблюдать процессы испражнения во всем их разнообразии в любое время суток.

По ночам стоял форменный мороз, и я прижимал Оливера к груди, стуча зубами прямо у него над ухом и завидуя его способности мирно засыпать в гнезде, которым служило ему мое собственное тело. Хотя по большей части на меня не обращали внимания, был один мальчишка, время от времени появлявшийся из чрева судна, и, хотя я был довольно бдителен, помня о ворах и прочих нежелательных элементах, ему всякий раз удавалось подобраться ко мне незамеченным. Время шло к рассвету на третью ночь плавания, когда он возник передо мной и остановился, будто призрак. Огромные пятна угольной пыли покрывали его лицо, словно боевая раскраска. Руки тоже были грязные. Белки его глаз блестели двумя пронзительными лунами на фоне непроглядно черной ночи. Мне казалось, что он был родом не из Нового Орлеана, а, скорее, из Мексики и застрял на этом судне на неопределенный срок. И хотя я не был уверен, что он говорит по-английски, было заметно, как и в случае с большинством детей, что соблазн познакомиться поближе с добрым псом оказался достаточно сильным, чтобы он покинул свое уединение и приблизился ко мне.

– Как тебя зовут? – спросил я.

Когда в ответ он только моргнул, я вытащил Оливера из постели, и пес развернулся из калачика, потянул лапы и покачал головой на свежем ночном бризе.

– Это Оливер, – сказал я. – И я заявляю от его имени, что он очень рад знакомству.

Понял ли мальчик? Кто знает? Но он хихикнул, когда Оливер понюхал его измазанную угольной пылью ладонь, а потом провел рукой по спине Оливера и робко улыбнулся. Даже я едва не рассмеялся, увидев столь внезапную перемену в его поведении. И тогда я начал говорить, рассказывая мальчику, что этот самый момент служит доказательством праведной и, возможно, божественной природы связи между людьми и животными – и существования общего языка между видами, которым вовсе не нужен один язык. Каждый вид мог стать верным другом, как и другой, будь то лошади (по случайности именно в этот момент одна из них испражнилась рядом со мной), попугаи или кошки. Все могут служить примером верности, и забота о них должна поощрять внутри каждого из нас чувство сострадания, и, таким образом, общение с животными делает каждого из нас лучше, а став лучше, люди делают лучше и мир вокруг себя.

Мальчишка стоял с ословелым видом, разинув рот, и тут его взгляд начал смещаться. Флоренс не раз говорила мне, и я прекрасно об этом помнил, что мои рассказы могут производить впечатление на других, но это показалось мне уже чересчур, и я обернулся и увидел перед собой Эймаса Тёрлоу. В руках он держал миску, над которой поднимался пар настолько густой, что создавал завесу у него перед лицом.

Тёрлоу кивнул, и мальчишка снова скрылся в каком-то

потайном люке, из которого выбрался.

– Ты тут совсем как бродяга, – сказал он. – Встань и по-дойди сюда. Я принес тебе суп.

Я поднялся на ноги, не понимая, от чего у меня холодок бежит по спине – от ночного холода или от аромата гумбо². От запаха лука у меня потекли слюнки, а кусочки жирной ветчины уже таяли у меня на языке, словно конфеты. Луч-шего я и желать не мог, и понадобилось немалое актерское мастерство, чтобы скрыть радость. Но все же мне это уда-лось.

– Интересно, – сказал я. – С чего это вы решили принести мне еду вместо того, чтобы проводить время наверху? Там, кажется, весело.

Над нами слышались звуки скрипки и топочущие в такт ноги, взрывы хохота. Одна песня заканчивалась, и тут же начиналась другая. Тёрлоу недовольно фыркнул и утер нос тыльной стороной ладони.

– Да я лучше пару раз пересплю с кактусом, чем еще хоть один вечер проторчу с этими идиотами. И я это совершенно серьезно.

– Довольно грубое замечание. Я бы, например, не отка-зался от возможности...

– Ни слова больше, – перебил меня он. – Почему ты так разговариваешь? Я должен знать.

– Как «так»?

² Гумбо – густой суп со специями, распространенный в Луизиане.

– Как образованный. Бьюсь об заклад, ты бы не выдержал экзамена ни по одному предмету, не связанному с уходом за теми двумя женщинами из первого класса. А говоришь при этом, словно какой-нибудь учитель.

Я отшатнулся, опустив миску и прижав ее к груди, словно щит.

– Мистер Тёрлоу, уверяю вас, я и в самом деле хорошо начитан. После переезда в Новый Орлеан миссис Харпер позволила мне пользоваться ее библиотекой по собственному усмотрению.

Это была лишь часть правды. Вообще-то, я считал себя более образованным, чем многие, потому что, когда Флоренс училась дома в Батон-Руж, я при любой возможности старался работать так, чтобы слышать занятия. Когда она начала учиться в школе, я поспешил предложить свои услуги, чтобы сопровождать ее туда, и во время уроков, если не нужен был дома, держался поблизости, слушая, по сути, те же самые уроки, что и она. А когда Флоренс избавилась от учебников, сочтя их слишком сложными и недостойными ее времени, я забрал их и переварил от корки до корки. Так началось мое путешествие в мир печатного слова, которое больше не останавливалось никогда. Я стал человеком не просто начитанным, а образованным, и все же, думаю, Эймс Тёрлоу был просто не способен в это поверить. Он смотрел на меня с большим сомнением, даже с ненавистью.

– Значит, ты прочитал пару книжек. А эти книжки научи-

ли тебя, как поступать? Встречал я нахальных негров, но ни один из них не вел себя так нелепо. По мне, так ты просто слишком много времени провел среди людей, которые сейчас веселятся наверху, но недостаточно среди себе подобных.

Казалось, этот человек видит меня насквозь. Возможно, я пытался скрывать какие-то части своего характера, как и все люди, но, совершенствуя себя, я лишь старался стать лучшей версией того себя, которого отчаянно хотел забыть: ребенка, не имеющего понятия, кто его родители; мальчишки, не знающего ничего, кроме работы; взрослого, боящегося собственной свободы и цепляющегося за свои невольничьи цепи. Безобидный поначалу разговор вдруг превратился в попытку вывернуть меня наизнанку, в демонстрацию жестокости, и в такой беседе мне совершенно не хотелось участвовать.

– Каждый человек пытается спрятать те свои черты, которые находит постыдными, – тихо ответил я. – Не знаю, зачем вы говорите о таких вещах. Если вам угодно, чтобы я стоял и выслушивал все это, – я готов, из уважения к миссис Харпер. Но предпочел бы этого не делать.

При этих словах черты его лица чуть смягчились. Он поднял руку, словно возражая, и снова заговорил тоном, который, как мне представляется, сам он считал теплым:

– Это не имеет отношения к миссис Харпер. Позволь мне сказать...

– Не стоит беспокоиться.

– Я настаиваю. Хочу сказать – помягче, – что мы очень разные, и все же, на самом деле, несмотря на все твои кривляния, думаю, что мы не так уж сильно отличаемся...

– Ваши слова приводят меня в недоумение. Не думаю, что встречал человека, чей характер и принципы так сильно отличались бы от моих...

Он хлопнул ладонью по поручню с такой силой, что даже Оливер испуганно замер и прислушался.

– Ты дашь мне закончить?! Ты вообще можешь помолчать хотя бы минуту? Неудивительно, что единственное создание, которое к тебе прислушивается, это собака!

Нас окутала пелена молчания, холодного, как сам воздух вокруг нас, но едва это произошло, как Тёрлоу собрался с мыслями и продолжил свою речь:

– Должен тебе сказать, что мы с братом выросли в жалкой лачуге у ручейка на краю захолустного городка, о котором ты даже и не слыхал. Мать умерла, отец бросил нас, и росли мы у тети и дяди. Не думаю, чтобы старик сказал нам и десяток фраз, а выглядел он так, будто никак не может избавиться от воспоминаний о прошлой жизни, которую даже я представить себе не мог. Он уходил когда вздумается, возвращался, так и не сказав ни слова, и все понимали, что его нужно оставить в покое. Мы выполняли все распоряжения его жены, которые сводились к мелкому воровству и краже овощей с соседних ферм, а каждое воскресенье нас отправ-

ляли в город, чтобы у местной церкви выпрашивать у проходящих мимо семей гроши, которые они утаили, когда священник собирал пожертвования. Для этой женщины мы с братом были просто инструментами. У нас не было ничего своего, кроме друг друга.

Голос Тёрлоу обладал низкими вибрациями тромбона, играющего в маленькой комнате: звук охватывал собеседника и сотрясал палубу под его ногами не хуже морских волн. Он рассказывал поразительную историю о своем медленном взрослении на побегушках у тети, распоряжения которой постепенно становились все более опасными, и можно было уловить, как человеколюбие покидало этих двоих юношей усилиями всего лишь одной женщины, которая не видела в них ничего, помимо выгоды для себя. Воспоминания сильно растревожили его, и его лицо все больше краснело под тяжестью разговора.

– Но в последнее утро в том доме дядя грубыми толчками поднял нас с тюфяков – спали мы на полу – и приказал ждать его снаружи. Холод стоял такой же, как и сегодня. Я это очень хорошо помню. Он говорил долго, и было что-то пробирающее до костей в том, как размеренны были его слова, как легко он себя чувствовал в последних сумерках перед тем, как начнет подниматься солнце. Он сказал нам, что теперь мы стали мужчинами. Что теперь мы все будем работать вместе. И рассказал об одном парне, который нехорошо обошелся с дядей, оставив себе причитавшиеся ему деньги.

Мальчики последовали за дядей туда, где ручеек разливался шире, где густые леса накрывали их сверху, словно крышка котелок, удерживая утренний туман такой густоты, что даже собственных ног было почти не разглядеть. На берегу ручья стоял с удочкой мужчина не старше их дяди. Он настолько увлекся своим делом, что даже не заметил, как они подошли. Путь, которым повел их дядя, и угол, под которым они вышли из леса, убедили Тёрлоу, что дядя спланировал все заранее, когда уходил из дома в прошлый раз. С самого начала все было подготовлено.

Потом, по его словам, человек обернулся на звук их шагов за спиной. Туман словно в мгновение ока рассеялся, и они увидели, как из искры удивления в глазах мужчины разрастается пламя ужаса.

– Все происходило так странно, что даже страх отступил, – сказал Тёрлоу. – Меня удивил вид ножа в руке дяди: я и не знал, что у него есть оружие. Удивила скорость и жестокость, с которой он вонзил клинок по самую рукоятку, потому что обычно двигался со скоростью улитки. И я задумался, глядя, как рыбак падает на берег ручья, как дядя вспарывает ему бок и набивает его камнями, словно фаршированную рыбу, а потом сталкивает в воду, будто ненужную вещь... Не для этого ли дядя берег силы все эти дни? Для такого вот утра. Утра, когда он выходил из дома, чтобы убить человека и обобрать его до последней нитки. Трудно сказать, что причинило мне большую боль: ужасный вид мертвого тела или чув-

ство, что нас с братом предали, возвращая именно для этого момента, обучая мелким неблагоприятным поступкам, чтобы подготовить к этому большому преступлению. Мне это показалось предательством, которое я был не в силах вынести.

Прежде чем столкнуть труп в воду, дядя забрал удочку, несколько монет из кармана и даже наловленную рыбу.

– Он рассказал нам, что целая уйма людей должна ему деньги. Что с ним всю жизнь обходились несправедливо. И что он забирал только то, что ему причиталось, – монета за монетой, человек за человеком. И не имело значения, если среди них попадались незнакомцы.

Тёрлоу сказал, что ушел из дома в ту же ночь, прихватив дядин нож.

– Как будто это могло помешать ему в будущем. Больше я никому по-настоящему не верил, кроме моего брата. Мир для меня больше никогда не был прежним.

Тёрлоу достал из кармана жилета сигарету, зажег спичку, затянулся, и его лицо, изборожденное шрамами и порезами от бритвы, янтарно-красными прыщами и глубокими оспинами, показалось мне опустошенным, невероятно усталым, словно дым, проникавший ему в легкие, впитал боль от его рассказа и унес ее в море.

– И в тебе я тоже вижу человека, который по-своему страдал, – продолжил он. – Твоя подозрительность ко всему, что происходит вокруг. Ты – слуга. Как и я. Присматриваешь за миссис Харпер и ее девчонкой и даже пассажирам третьего

класса не доверяешь. Под маской благовоспитанности, под прикрытием тех манер, которые ты почерпнул из книжек, ты точно так же выживаешь, осторожно заглядываешь за угол, чтобы всегда быть наготове. Разве не так? Бьюсь об заклад, ты подметил обо мне не меньше.

Я ненадолго задумался, прежде чем дать осторожный ответ.

– Кое-что я заметил, – пробормотал я. – Вы проводите больше времени под палубой судна, чем в первом классе. И, как вы сами сказали, пассажиры вам не по нраву, и вы предпочитаете общество экипажа.

– М-м-м... И это совершенно верно. Возьмем капитана этого судна. Достойный человек, каких еще поискать. Командовал военным кораблем своей страны, вложил почти все свои сбережения в это самое судно, а теперь из-за карточных долгов вот-вот будет вынужден отдать его со всеми потрохами дельцу из Нового Орлеана, которому до пароходов нет никакого дела. Капитан платит такую страховку, что в кармане не остается ни гроша, а вся прибыль, которую он получает, уходит какому-то богатому ублюдку, который, уверен, прямо сейчас попивает коньяк, пока его хер полирует дешевая шлюха. И где здесь справедливость?

– Ну, уверен, никто не заставлял капитана играть...

– А мальчишки, вроде того, что только что был здесь, запертые в котельном отделении и пашущие круглыми сутками, как рабы на галерах? Что за бог уготовал им такую судь-

бу?

Я вежливо поинтересовался, к чему он клонит, и Тёрлоу щелчком отшвырнул сигарету в непроглядную ночь, выпуская изо рта последние клубы дыма.

— А клоню я к тому, что когда-то сам был таким же потеряннным, как и эти несчастные. Но я не позволил себя сломать, преодолел невзгоды. Я понял, что надо быть не только слугой, как ты, но и человеком дела. Я зарабатываю не тем, что режу людей, а тем, что им помогаю. И точно так же я помогу мистеру Харперу. Это моя единственная цель. Прошу тебя мне поверить.

Я посмотрел на него одновременно недоверчиво и озадаченно. С какой это стати мое доверие стало для него что-то значить? Как будто прочитав это по моему виду, он решил подкрепить свои слова аргументами, призванными меня успокоить.

— Знаю, ты считаешь меня неотесанным, — сказал он. — Мне на это наплевать. Важно, пожалуй, только одно: чтобы ты понимал, что моя репутация заслуженна. Что доверие ко мне обеспечит тебе безопасный проезд не только до Мексики, но и к тому единственному человеку, который для тебя имеет значение. К твоей сестре.

Вращавшееся гребное колесо парохода взметнуло в воздух фонтанчик мелкой водяной пыли, обдав меня ею, и я вздрогнул. Миска у меня в руке дрогнула, и немного похлебки выплеснулось под ноги. Оливер поспешил обнюхать лу-

жицу. Не знаю почему, но я наклонился и поставил миску на палубу, позволив ему доесть похлебку, пока сам пытался справиться с мыслями. Я редко терял дар речи, но мистеру Тёрлоу это удалось, и с его стороны было очень милосердно продолжить разговор, потому что, думаю, я сам простоял бы молча до самого утра.

– Прочти, – сказал Тёрлоу, когда я выпрямился. – Мои инструкции. Переданы мне лично мистером Харпером. Это то самое письмо, что я доставил миссис Харпер.

Края листка были потерты, чернила расплылись в тех местах, куда упали слезы миссис Харпер.

– Моя сестра... – только и смог произнести я. – Что натворил мистер Харпер? Ей угрожает опасность? Мистер Тёрлоу...

– Мне известно только то, что сказано здесь, – ответил он, безрассудно размахивая письмом, и я испугался, как бы оно не улетело за борт.

Я чувствовал, что буквально излучаю желание прочитать это послание. Как бы я ни скрывал это желание, Тёрлоу не мог не заметить моего отчаяния. Он прижал листок к груди и заговорил снова.

– Пообещай мне одно, – сказал он; тихий, почти не слышимый стон сорвался с моих губ; мой взгляд упал на бесконечную темноту моря, вернулся к Тёрлоу, к письму. – Ты не должен обсуждать содержание письма с миссис Харпер. Когда она в тот день прочитала его в первый раз, только обман

чувств помог ей найти хоть что-то радостное на этих страницах. Она не совсем в своем уме, и я бы не хотел, чтобы ты нарушил ход нашего путешествия, напомнив ей правду. Нет. То, о чем мы говорим сегодня, должно оставаться только между нами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.